

Universiteit
Leiden

The Netherlands

Review of: D. Shulman (ed.), Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 2010

Kulikov, L.I.

Citation

Kulikov, L. I. (2011). Review of: D. Shulman (ed.), Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 2010. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 131-135. Retrieved from <https://hdl.handle.net/1887/18128>

Version: Not Applicable (or Unknown)

License: [Leiden University Non-exclusive license](#)

Downloaded from: <https://hdl.handle.net/1887/18128>

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

D. Shulman (ed.). Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron. Jerusalem: The Israel academy of sciences and humanities (Publications of the Israel academy of sciences and humanities. Section of humanities), 2010. x + 276 p.

Рецензируемая книга представляет собой сборник, составленный по материалам конференции «Миф, ритуал и поэзия в древней Индии и Иране», организованной в марте 2001 г. в Иерусалиме Израильской академией наук и посвященной 60-летию замечательного израильского лингвиста и востоковеда, специалиста по индоиранской филологии Шауля Мигрона.

Сборник включает двенадцать статей (в том числе и статью самого юбиляра), которые сгруппированы в четыре раздела и представляют различные области индологии и иранистики, начиная с исследования ведийской грамматики и ведийских текстов и кончая классической санскритской поэтикой.

Первый раздел, «Исследования по ведийскому языку», открывает статья «Валентность и значение глагола *yaj* в Ригведе» Д. Баума, ученика Ш. Мигрона, защитившего в Лейденском университете диссертацию (под руководством Ш. Мигрона и А. Лубоцкого) об императиве в Ригведе. Автор поставил своей задачей проанализировать все основные типы употребления этого хорошо засвидетельствованного ведийского глагола, обычно используемого в качестве примера одной из центральных функций ведийского медиального залога: *yájati* (активная форма) ‘совершать жертвоприношение в чьих-либо интересах’ ~ *yájate* (медиальная форма) ‘совершать жертвоприношение в своих интересах’ (значение, часто определяемое как ‘аффективно-посессивное’). В целом выводы автора, сделанные на основе детального анализа засвидетельствованных конструкций, подтверждают традиционную концепцию, хотя Баум отмечает и ряд отклонений от общего распределения – включая один пример аффективно-посессивного употребления активной формы. Автор справедливо отмечает, что на семантику глагола существенное влияние оказывают превербы – факт, хорошо известный санскритологам. К сожалению, Баум практически не рассматривает ряд важных синтаксических особенностей глагола *yaj*. Так, хотя автор и упоминает, что *yaj* может выступать в конструкциях с аккузативом божества или приносимого в жертву объекта¹, он нигде не указывает на тот факт, что такое синтаксическое поведение характерно для целого ряда ведийских глаголов и является важной чертой архаичного индоевропейского синтаксиса: в качестве аккузативного прямого дополнения при таких глаголах может выступать как первый («ближний») объект (так называемые ‘транслативные’ употребления), так и второй («дальний») объект (так называемые ‘орнативные’ употребления); см., в частности, [Hettrich 2007: 3, 138–141], где дается подробный анализ всех синтаксических моделей, засвидетельствованных для глагола *yaj*; этой проблеме посвящена также монография Ж. Одри [Naudry 1977], лишь бегло упомяну-

тая в одной сноске, причем в контексте весьма неточного изложения интерпретации Одри (Одри, конечно же, не считает инструментальную группу при глаголе *yaj* «настоящим прямым дополнением»).

Дж. Клейн анализирует в своей статье стилистические повторы в Ригведе – тема, чрезвычайно актуальная для этого текста, характеризующегося богатым арсеналом стилистических приемов. Выделяется пять основных типов с рядом подтипов (всего – около тридцати) – собственно анафора (не смешивать с местоименной анафорой!), т. е. повтор одного и того же слова в начале каждой клаузы (элементарного предложения) по типу *Призываю Агни первым для благополучия; призываю Митру (и) Варуна для помощи; призываю ночь...; неанафорический повтор (полиптон и паронимасия) типа Бог пришел с богами; несет ношу; повтор грамматических морфем и др.* Статья продолжает серию исследований автора, посвященных ведийскому «макросинтаксису».

Статья А. Лубоцкого представляет каталог и подробный анализ лексем и словоформ V книги (канды) Атхарваеды в рецензии Пайппалады, которые не встречаются за пределами этого текста или встречаются лишь существенно позднее, в послеведийский период. Среди них – целый ряд неизвестных прежде сложных слов, глагольных дериватов и форм, свидетельствующих о том, насколько ценна для санскритской лексикографии и ведийской грамматики лингвистическая информация, извлекаемая из Пайппалады. Так, к описанию ранневедийских каузативных глаголов [Jamison 1983] следует теперь добавить каузатив *abhi cālaya-* ‘околдовывать’ (до сих пор мы имели дело лишь с дериватом от *r*-корня *abhi cāraya-*, встречающимся в средневедийском – в Шатапатха-брахмане). Не был прежде известен медиальный перфект *bibhīde* (корень *bhid* ‘ломать’), засвидетельствованный, что интересно, в непереходной (антикаузативной) конструкции (‘сломался’) – важное дополнение к фундаментальному описанию перфекта [Kümmel 2000].

Завершает раздел статья Ш. Мигрона, посвященная сочинительным союзам в ведийской прозе и развивающая таким образом тему, детально разработанную Дж. Клейном для Ригведы, на средневедийском материале. Автор дает краткий очерк засвидетельствованных в брахманах типов сочинительной связи (союзное и бессоюзное сочинение, полисиндетон и др.), обращая главное внимание на те приемы, которые использовались и в ранневедийский период, но были окончательно систематизированы в ведийской прозе.

Второй раздел, «Размышления о ритуале, ведийском и эпическом», содержит две статьи.

¹ «Третья модель» – с аккузативом объекта, о котором адепт просит богов, отмеченная автором всего один раз (Ригведа 3.17.3 *devānām āvo yajṣi* ‘соверши жертвоприношения ради помощи богов’), – скорее всего, является фикцией: в приведенном случае, мы, по-видимому, имеем дело со смещенным типом первой модели, где прямое дополнение, указывающее на являющихся объектом поклонения богов, заменяется на упоминание одного из аспектов богов – их поддержки, которая в данном случае и является адресатом жертвоприношения.

Я. Хубен предлагает детальный анализ легенды об Атри, довольно смутно упоминаемой в Ригведе (боги-близнецы Ашвины спасают Атри из затруднительного положения – из ямы?). В ходе дискуссии автор предлагает решения для целого ряда лексикографических и морфологических проблем, обсуждая лексему *ṛbīsa-* (обычно переводимую как «вулканическая расщелина»), форму *himēna* (которую следует переводить, согласно Хубену, как «зимой, в холодный сезон»), значение слова *gharmá-* (обозначающего, вероятно, горячий молочный напиток, который Ашвины дали Атри в холодное время года), формы глагола *vr̥* «покрывать» и др. Не все предлагаемые автором решения представляются приемлемыми; в частности, неубедительна интерпретация формы 2 л. дв. ч. мед. *vārethe* (Ригведа 8.73.3) как презентной (с. 116 и сл.), предполагающая существование презенса I класса *vāratī* «защищает», что крайне маловероятно. Скорее всего, эта форма представляет собой инфинитив аориста с презентным окончанием – редкое морфологическое образование, описанное К. Хоффманном [Hoffmann 1952 [1957]: 128–130 (= Hoffmann 1976: 364–366)] под названием «тип *gathā*».

Т. Райх обсуждает два тесно связанных в ведийской, а затем и в эпической санскритской литературе мотива – мотив прерывания жертвоприношения и мотив словесного поединка, – рассматривая их как элементы комплекса «агонистических» мотивов и прослеживая их эволюцию в позднейшие эпохи, в частности анализируя интересную проблему адаптации или устраниения идеи насилия в составе ритуала.

Три статьи, входящие в третий раздел, «Древний Иран», посвящены различным аспектам авестийской филологии и зороастрийского ритуала. Д. Буянер рассматривает следы культа предков в зороастризме. На примере двух авестийских мотивов – образа Небесного пастуха (Divine shepherd) Митры, владеющего обширными пастбищами потустороннего мира, и благословенных героев, пребывающих в Раю (понятие, соотносимое Буянером с и.-е. корнем **vel-*, предположительно представленным в авестийском *frauuāši-*), – автор выдвигает интересную гипотезу о том, что культ предков в древнеиранской (авестийской) традиции может быть объяснен лишь в контексте его индоиранского (или индоевропейского) происхождения; в зороастризме же они занимают вторичное положение, не являясь органической частью канона. Статья содержит целый ряд важных наблюдений в отношении индоиранской и индоевропейской мифологии и этимологии; в частности, в обширной сноске 8 на с. 165 автор обращается к проблеме этимологии имени индоиранского бога ветра *Vāyu*

(предположительно родственного украинскому *Вуй*), традиционно связываемого с глагольным корнем *vā* ‘дуть’. Заслуживает внимания высказанное Д. Буянером предположение о связи этого имени с другим корнем, *vī* ‘преследовать’, от которого оно могло быть образовано с помощью агентивного суффикса **-u-* (*vāy-u-*)², а затем переосмыслено как образование с суффиксом *-yu-* от корня *vā* ‘дуть’.

Статья Т. Гиндин посвящена анализу авестийской формы *surunuuaata*, несколько раз встречающейся в Авесте в одном и том же контексте: *təm / tqm yazāi surunuuaata yasna* ‘я буду поклоняться ему / ей при помощи *surunuuaata* жертвы / жертвоприношения’. Большинство исследователей соотносят эту форму с редким и не до конца ясным морфологическим типом – индоиранским отглагольным прилагательным на *-ata-*, часто образующимся не от корня, а от презентной основы и имеющим значение, близкое к пассивному причастию презенса или герундиву (ср. *paśyatā-* ‘видимый’, *yajātā-* ‘заслуживающий жертвоприношения’). За пределами индоиранского этот тип засвидетельствован также в греческом (прилагательные с суффиксом *-ето-*, которым посвящено детальное исследование Б. Вайна [Vine 1998]). Автор упоминает также альтернативный анализ формы *surunuuaata* – как презентного причастия на *-nt-* с пассивным значением. Статья Т. Гиндин едва ли проясняет значение формы *surunuuaata* и типа на *-ata-* в целом, представляя собой нагромождение недоказуемых, некорректных или попросту неверных утверждений. Так, уже на второй странице работы (с. 177) автор обнаруживает незнание элементарных основ индоевропейской реконструкции («The Indo-European suffix *-eto-* (PIE **-nto-*) is an unproductive adjectival formation»); слововое *-η-* никак не может быть источником (пра?)индоевропейского *-e-*; добавок, остается лишь догадываться, в чем, по мнению автора, заключается различие между «индоевропейским» и «праиндоевропейским». Совершенно неприемлем предлагаемый на с. 178 анализ форм на *-atā-* от *-ya-* презентов (типа *paśyatā-* или *haryatā-*) как пассивных причастий на *-tā-*, образованных от герундивов (пассивных причастий будущего времени) с суффиксом *-ya-* – герундивов *paśya-* и *harya-* не существует, да и само допущение возможности

² Впрочем, приводимый автором в качестве параллельного случая пример др.-инд. *stāy-ū-*, авест. *tāii-u-* ‘вор’ не вполне корректен: обе формы образованы от корня (*s*)*tā* < **(s)teh₂-*, а не от (*s*)*tāy*; ср. *тамь* и см. [EWAia: I, 643; II, 759]; хотя возможно, что *-y-* было вторично включено в состав корня под влиянием *-ya-* презенса (*s*)*tā-ya-*.

присоединять суффикс пассивного причастия к герундиву попросту абсурдно.

Столь же неверны и/или некорректны суждения, высказываемые автором в отношении индоевропейского в целом, например: «Taking *surunuuata* as an *-ata-* F[uture] P[assive] P[articiple] would make it the only case in the whole of Indo-European where the suffix occurs with an athematic present stem» (с. 179, курсив автора статьи). Во-первых, образование такого типа встречается в ведийском (*jinvata-* ‘побуждаемый, стимулируемый’ в Агхарваведе, в рецензии Пайппалада; см. [Lubotsky 2002: 7 f.]). Во-вторых, форма *surunuuata*, скорее всего, основана на вторичной тематизации атематической назальной основы *suruni-* – возможность, на которую, как отмечает автор статьи, указывал уже Бартоломе. Также неверно, что активные причастия на *-nt-* с пассивным значением не встречаются в индоевропейском за пределами хеттского (с. 180): этот тип засвидетельствован также несколькими формами в ведийском, ср. в особенности *stavánt-* ‘прославленный, прославляемый’; см. [Watkins 1969: 142 ff.; Kulikov 2006: 59–61]. Некоторые формулировки, встречающиеся в статье, не вполне корректны, ср. следующий отрывок: «Many verbs, in different Indo-European languages, have both transitive and intransitive meanings. Consider another, less intricate (?? – Л. К.) Indo-European language, English: I smell / taste the food; the food smells / tastes delicious...» (с. 180). Речь, очевидно, идет о лабильных глаголах, которые могут встречаться в одной и той же форме как в переходных, так и в непереходных употреблениях: говорить о существовании у них «переходных и непереходных значений», разумеется, некорректно. Следующее за этим утверждением хаотичное перечисление разнообразных рефлексов праи.-е. **k̑leu-* ‘слышать’ свидетельствует не о синтаксической «индифферентности» соответствующего и.-е. глагола, который, как считает автор, мог иметь «many meanings related to “to hear”, including to be famous or celebrated, to sound or pronounce, or to be called», а о богатой системе залоговых форм и валентных дериваций в праязыке, частично сохранившихся в различных и.-е. языках. По меньшей мере некорректно цитировать в связи с этим (с. 181) соответствующую статью из «Лексикона индоевропейского глагола» [LIV: 334], реконструирующую именно систему, а не ту хаотичную картину, которую рисует автор.

Небольшая заметка Ж. Келленса, одного из крупнейших специалистов по авестийской филологии, посвящена феномену «амфиполярности»: некоторые термины индоиранского сакрального лексикона могли первоначально иметь диаметрально противоположные значения. Согласно весьма правдоподобной гипотезе

автора, основой возникновения противоположных значений у соответствующих индийских и иранских терминов (ср. др.-инд. *devá-* ‘бог’ ~ авест. *dāeva-* ‘демон’) могла послужить утрата амфиполярности в соответствии с разнонаправленными сценариями.

Три статьи заключительного раздела посвящены санскритской поэтике. Й. Броннер обсуждает черты поздней санскритской поэтики и их отражение в трудах индийского ученого XVI века Аппайи Дикшиты, выбирая в качестве основной темы дискуссии соображения Аппайи относительно сравнений (скр. *upamā*), и убедительно демонстрирует на этом примере новаторский характер его трудов – в частности в том, что касается характера определений, историцизма и др. Статья Л. МакКри посвящена сравнительно слабо изученному аспекту древнеиндийской поэтической традиции – жанру комментария на поэтические произведения, представляющему соединительное звено между теоретическими построениями авторов трудов по санскритской поэтике и собственно поэтическими произведениями. Автор уделяет основное внимание комментариям Маллинатхи, южноиндийского схоласта начала XV в., и показывает, что основной целью, которую преследовал этот комментатор, было обоснование соответствия поэтических произведений грамматическим, литературным, политическим и другим нормам и моделям, санкционированным теоретическими трактатами, – допуская, среди прочего, и множественность интерпретации того или иного стиха с точки зрения синтаксического или семантического анализа, при условии что ни одна из интерпретаций не входит в противоречие с этими нормами. Д. Шульман анализирует одно из центральных понятий др.-инд. поэтической традиции – *camatkāra* ‘чудо, поэтическое наслаждение’ (термин, который, по мнению некоторых авторов, воспроизводит звук цокания языком), имеющее, как он показывает, весьма широкий спектр употреблений – от описания эстетической реакции до обозначения энергии, высвобождаемой языком.

Книга прекрасно издана и, несмотря на сравнительно небольшой объем, хорошо отражает все основные разделы и важнейшие отрасли исследований индоиранской филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- EWAia – M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–1996.
Haudry 1977 – J. Haudry. L’emploi des cas en védique. Introduction à l’étude des cas en indo-européen. Lyon, 1977.

- Hettrich 2007 – *H. Hettrich*. Materialien zu einer Kasussyntax des Rgveda. Würzburg, 2007. (Интернет-публикация; продолжающееся исследование; см. <http://www.vergl-sprachwissenschaft.phill.uni-wuerzburg.de/publikationen-hettrich.html>)
- Hoffmann 1952 [1957] – *K. Hoffmann*. Zur vedischen Verbalflexion // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 2. 1952 [1957].
- Hoffmann 1976 – *K. Hoffmann*. Aufsätze zur Indoiranistik. Bd. 2. Wiesbaden, 1976.
- Jamison 1983 – *S.W. Jamison*. Function and form in the *-áya*-formations of the Ríg Veda and Atharva Veda. Göttingen, 1983. (KZ; Ergänzungsheft 31).
- Kulikov 2006 – *L.I. Kulikov*. The Vedic medio-passive aorists, statives and their participles: Reconsidering the paradigm // B. Tikkanen, H. Hettrich (eds.). Themes and tasks in Old and Middle Indo-Aryan linguistics. Papers of the 12th World Sanskrit conference. V. 5. Delhi, 2006.
- Kümmel 2000 – *M. Kümmel*. Das Perfekt im Indoiranischen. Wiesbaden, 2000.
- LIV – *H. Rix* (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2., erweiterte und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.
- Vine 1998 – *B. Vine*. Aeolic ὀρπετον and deverbative **-etó-* in Greek and Indo-European. Innsbruck, 1998.
- Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik. Bd. III: Formenlehre. Teil 1. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.

Л.И. Куликов

Сведения об авторе:

Леонид Игоревич Куликов

Лейденский университет / Институт языкознания РАН, Москва

l.kulikov@hum.leidenuniv.nl